

«Утренние цветы, собранные вечером» Лу Синя как литературная автобиография

Н. К. Хузиятова, Ю. С. Курако

Дальневосточный федеральный университет,
Российская Федерация, 690090, Владивосток, ул. Суханова, 8

Для цитирования: Хузиятова Н. К., Курако Ю. С. «Утренние цветы, собранные вечером» Лу Синя как литературная автобиография // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. Вып. 3. С. 345–361.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2019.307>

Сборник воспоминаний Лу Синя «Утренние цветы, собранные вечером» (1928) традиционно рассматривается российскими и зарубежными исследователями как важнейший источник биографического материала о писателе. Однако в силу кажущейся фрагментарности и разрозненности частей он далеко не всегда соотносится с жанром автобиографии. Жанровая принадлежность сборника «Утренние цветы, собранные вечером» до сих пор остается предметом дискуссий в сообществе лусиневедов и исследователей китайской биографической литературы. Весь спектр мнений сводится к двум противоположным позициям: первая — это сборник разрозненных мемуаров (преобладающая точка зрения), вторая — произведение в жанре автобиографии. Цель статьи состоит в том, чтобы показать и доказать, что десять частей сборника представляют собой не фрагменты воспоминаний, а единый в своей целостности и связанности текст, соответствующий современным (пусть и неоднозначным) представлениям о жанре автобиографии. Произведение рассматривается на сюжетном, композиционном и повествовательном уровнях. Авторы статьи, основываясь на междисциплинарном подходе к материалу, приходят к выводу о том, что Лу Синь сумел создать произведение, в котором нарративный дискурс автобиографии, соединяясь с художественным модулем лирической прозы, создает особый вид художественно-документального единства. «Утренние цветы, собранные вечером», написанные раньше, чем автобиографии Го Можо (1928), Ли Цзи (1930), Ху Ши (1933), не только обозначили траекторию развития этого жанра в Китае, но и во многом предопределили интерес к нему как в первой, так и во второй половине XX в. Опыт работы Лу Синя над книгой «Утренние цветы, собранные вечером» дает нам по-настоящему новаторский для своего времени образец произведения, написанного в жанре литературной автобиографии.

Ключевые слова: Лу Синь, «Утренние цветы, собранные вечером», автобиография, сюжет, композиция, нарративный дискурс.

По признанию Лу Синя (1881–1936), лучшее, что он написал, — это сборники рассказов *сяошо*, эссе *саньвэнь*, стихотворений в прозе *саньвэньши*, публицистических заметок и фельетонов *цзавэнь* — «Клич» (1923), «Блуждания» (1926), «Дикие травы» (1927), «Старые легенды в новой редакции» (1936), а также книга воспоминаний «Утренние цветы, собранные вечером» (1928), жанровая принадлежность которой до сих пор остается предметом дискуссий. Первые четыре сбор-

ника во многом представляют собой имплицитную автобиографическую прозу в форме разрозненных художественных произведений («нечто вроде рассказов» [1, с. 33]) с весьма непросто восстанавливаемыми внутренними связями. Пятая книга из указанного выше списка — «Утренние цветы, собранные вечером», возможно, является попыткой Лу Синя преодолеть эту кажущуюся бессвязность и разрозненность в зеркале другой представляющейся столь же бессвязной и разрозненной формы автобиографии. В этом предположительно и заключается то особое значение, которое Лу Синь придавал книге.

В «Утренние цветы, собранные вечером» включены десять произведений, созданных в 1926 г. Первые пять написаны в Пекине, последние пять — в Сямэне, где Лу Синь, скрываясь от преследований, непродолжительное время преподавал в Сямэньском университете. Сначала писатель опубликовал свои воспоминания в журнале «Маньюань» («Заросли») под заголовком «О былом» («旧事重提») «Цзю ши чун ти», что в буквальном переводе означает «снова вспомнить/воскресить в памяти события прошлого» с акцентом на переосмысление прошлого). Весной 1927 г., перебравшись в Гуанчжоу, Лу Синь приступает к подготовке отдельного издания, пишет предисловие и послесловие и в сентябре 1928 г. выпускает книгу в одном из пекинских издательств под метафорическим названием «Утренние цветы, собранные вечером» («朝花夕拾») «Чжао хуа си ши»).

Автобиография — это «ретроспективное повествование в прозе, которое ведет какой-нибудь реальный человек о своем собственном бытии, с особым акцентом на своей индивидуальной жизни, в частности на истории своей личности» (цит. по: [2]). Это определение, данное в 1975 г. французским историком и теоретиком литературы Филиппом Лежёном, впоследствии не раз подвергалось критике, в том числе и его создателем. Однако, несмотря на возражения, оно получило широкую известность, стало «точкой отсчета» для исследователей автобиографии в разных странах мира, включая Китай. Востребованность данного определения связана, в частности, с переносом Лежёном акцента внимания с автора автобиографии на ее читателя. Разработанное им понятие автобиографического пакта (*le pacte autobiographique*) предполагает активную коммуникацию автора и читателя, а значит, участие последнего в создании автобиографических смыслов.

Цель статьи — выявить жанровую принадлежность сборника «Утренние цветы...» на основе междисциплинарного анализа включенных в него произведений и с учетом результатов проведенных ранее российских и зарубежных исследований. В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение, что десять произведений сборника представляют собой не фрагменты воспоминаний, а единый в своей целостности и связанности текст, соответствующий современным (пусть и неоднозначным) представлениям о жанре автобиографии. Тексты сборника рассматриваются на сюжетном, композиционном и повествовательном уровнях.

В русскоязычных работах, посвященных Лу Синю, «Утренние цветы...» находятся в положении малопримечательного объекта исследования, востребованного лишь в качестве справочного материала. По крайней мере до сих пор этому сборнику не придавалось сопоставимого с авторской оценкой значения. Это во многом результат отношения к автобиографическому письму в целом. Автобиография как разновидность мемуаристики и/или автобиография как самостоятельный жанр оказываются в тени общепризнанных литературных форм, так сказать, на задвор-

ках «большой» литературы. «Неисследованная, потому что ее недооценивали», — сказал Ф. Лежён о французской автобиографии [3]. Современную китайскую автобиографию, похоже, тоже недооценили.

Российские литературоведы (В. В. Петров, Л. Д. Позднеева, В. Ф. Сорокин, Л. А. Никольская и др.) рассматривают сборник «Утренние цветы...» прежде всего как документальный источник биографических сведений о жизни и творчестве писателя (см.: [4–7]). В фундаментальной работе Л. Д. Позднеевой «Лу Синь. Жизнь и творчество» (1959) сборнику «Утренние цветы...» отводится всего две страницы [5, с. 269–271]. Исследователь акцентирует внимание не на жанровых, структурных, повествовательных и/или иных особенностях произведения, а по большей части на экстралитературных факторах, связанных с конкретно-историческими условиями создания «Утренних цветов...». Вклад Л. Д. Позднеевой заключается в переводе большинства текстов сборника (девять, включая предисловие) на русский язык [8]. Первый текст «Про собак, кошек и мышей» перевел В. С. Колоколов. Не переведенными до сих пор остаются текст «Двадцать четыре примера почтительного отношения к родителям» и послесловие (комментарий к содержащимся в сборнике реалиям)¹. На английский язык сборник полностью перевели Ян Цяньи и Глэдис Ян (1976), снабдив послесловие иллюстрациями с целью разгрузить повествование от дополнительных комментариев переводчика [9].

Западные ученые, как правило, ограничиваются лишь упоминанием сборника «Утренние цветы...» в контексте изучения творчества Лу Синя (Г. Дэвис [10], Дж. Ковалис [11]) или особенностей жанра автобиографии (М. Кук [12]). У ряда западных и отечественных исследователей обращение к сборнику продиктовано интересом к развитию детской литературы в Китае (М. Фаркьюхар [13], О. П. Родионова [14], Р. В. Замилова [15]). Более обстоятельно рассматривается сборник в работах Джанет Нг, изучающей репрезентацию «Я» и межтекстовые связи [16], и В. Ларсон, занимающейся вопросами поиска идентичности писателя [17].

Многочисленные китайские исследования, к сожалению, не отличаются системностью и полнотой. В обзорной статье Шэнь Вэньцзиня (2010) выделяется пять этапов изучения «Утренних цветов...», что полностью совпадает с общепринятой периодизацией истории китайской литературы XX в. 1928–1949 (начало), 1949–1966 (углубление), 1966–1976 (застой), 1976–1989 (пик), с 1989 по н.в. (трансформация). Как наиболее заметные события научной жизни на стыке прошлого и нынешнего столетий выделяются статья известного историка китайской литературы Ван Яо «Об “Утренних цветах, собранных вечером” Лу Синя» (1984) и дискуссия о фикциональности сборника, начавшаяся после выступления японского профессора Омуре Идзуми (анализ текста «Господин Фудзино») на конференции «Лу Синь: диалог культур» (2006). В целом же, как отмечает Шэнь Вэньцзин, налицо отсутствие фундаментальных обобщающих работ [18].

¹ В свое время Лу Синь приветствовал перевод сборника на русский язык, но опасался, что многое останется непонятным для зарубежного читателя в силу трудностей перевода (местные реалии) и, добавим, в силу дистанции культур, что неизбежно приводит к ослаблению (вплоть до полного стирания) внутритекстовых, межтекстовых и межжанровых отношений (в терминах современной науки — разных уровней интертекстуальности), а значит, к ослаблению семантической наполненности произведения.

Авторы настоящего исследования в дополнение к указанным работам использовали монографию Го Цзюлина «История китайской биографической литературы XX века» [19], статью Го Сяоин «Автобиография и самоидентификация» [20], а также публикации, непосредственно ориентированные на изучение «Утренних цветов...» — Бай Юйлин (авторские интенции [21]), Е Шисян, Ян Цзяньлун (идейно-тематический анализ [22; 23]), Ци Тунвэй, Чжэн Цзяцзянь, Лай Цзяньлин (нарративный анализ [24; 25]), Гу Епин (жанровые особенности [26]).

Жанровая принадлежность сборника «Утренние цветы...» — весьма спорная тема в сообществе лусиневедов и исследователей китайской биографической литературы. Весь спектр мнений так или иначе сводится к двум противоположным позициям: первая — это сборник разрозненных мемуаров/воспоминаний/эссе (преобладающая точка зрения), вторая — произведение в жанре автобиографии (эту точку зрения разделяют немногие, с уверенностью можно назвать В. Ларсон, Джанет Нг и Гу Епина, с долей колебаний — Ван Яо).

На ранних стадиях изучения биографии в 1930–1940-х годах, отмечает Гу Епин, можно найти публикации, в которых «Утренние цветы...» рассматриваются как часть биографической литературы *чжуаньцзи вэньсюэ* и ее жанровой разновидности — автобиографии *цзычжуань*. Так, Шэнь Сунхуа в работе «Введение в изучение биографической литературы» ставит «Утренние цветы...» в один ряд с признанными автобиографическими текстами Ху Ши «О себе в сорок лет» и Го Можо «Мое детство» [26]. Чжао Чжэнь в статье «“Утренних цветов, собранных вечером” драгоценные россыпи» подчеркивает оригинальный, не имеющий аналогов в китайской литературе подход Лу Синя к написанию и составлению сборника, заключающийся в неразрывной связи и взаимообусловленности десяти частей текста, воспринимающихся как единое целое (цит. по: [18, с. 77]). Спустя полвека идею целостности и связанности «Утренних цветов...» подхватывает и развивает Ван Яо. Основываясь на документальных свидетельствах, он, в частности, показывает, что Лу Синь системно работал над сборником, заранее определив количество частей и продумав их расположение (в журнальном варианте они были даже пронумерованы). Глубокий и вдумчивый анализ приближает исследователя к «легитимизации» произведения в статусе автобиографии, хотя терминологически он это так и не сделал. Значение работы Ван Яо заключается в создании методологической основы для дальнейших исследований сборника как единого текста [27].

В подавляющем большинстве работ за пределами Китая книга «Утренние цветы...» рассматривается как публицистика (Л. А. Никольская), проза/цикл воспоминаний (Л. Д. Позднеева, В. Ф. Сорокин), беллетризованные воспоминания (Дж. Коваллис). М. Кук избегает прямых определений жанра.

В исследованиях китайских ученых сочетаются два подхода к определению жанровой принадлежности сборника — общий (применяется ко всему корпусу текстов) и дифференцированный (применяется к одному или нескольким текстам). Среди общих определений преобладают «мемуарная проза» *хуэйи саньвэнь*² (Ван Яо), «проза в форме воспоминаний» *хуэйисин дэ саньвэнь* (Ян Цзяньлун [23],

² Здесь в значении нефикциональная проза *саньвэнь*. Согласно принятой в Китае классификации, *саньвэнь* выделяется в отдельный литературный род наряду с художественной/фикциональной прозой, лирикой и драмой. Термин *саньвэнь* может использоваться и в узком значении — эссеистика, эссе (нет законченной теории жанра — внежанровый жанр, передает процесс думания; харак-

Ци Тунвэй [24], Ван Сяочу [28], Ян Чуньянь [29], Цзинь Хун [30]), встречаются также «повествовательная лирическая проза» *цзисюй шуцин саньвэнь*, «автобиографическая форма прозы» *цзычжуаньсин дэ саньвэнь* (Е Шисян [22]). Ван Яо дифференцирует тексты, отталкиваясь от их стилистических особенностей: только первый текст «Про собак, кошек и мышей», по его мнению, близок к острым публицистическим заметкам *цавэнь*, во всех других случаях — это лирическая проза *шуцин саньвэнь* и ее инварианты (повествовательная лирика *сюйшу шуцин*, воспоминания о событиях *чжуйи ваниши*, воспоминания о людях *инянь цзожэнь*). Вэнь Аньлэ отмечает, что два текста относятся к прозе *саньвэнь*, четыре — пограничные между прозой *саньвэнь* и лирической прозой *шуцин саньвэнь*, а еще два написаны в форме спорадических заметок *цагань* с лирическим компонентом (в работах российских исследователей *цагань* — «смешанные чувства») [31, с. 198].

Традиционно сборник «Утренние цветы...» рассматривается как важнейший источник биографического материала о писателе, однако с завидным постоянством он исключается из числа произведений биографической/автобиографической литературы. Историк китайской биографической литературы Чэнь Ланьцунь, например, признавая автобиографичность «Переписки» («两地书» «Лян ди шу») Лу Синя с Цзин Сун (Сюй Гуанпин), даже не упоминает в этом ключе сборник «Утренние цветы, собранные вечером» [32]. Однако если не рассматривать «Утренние цветы...» как автобиографическое сочинение, то тогда придется подвергнуть сомнению ценность этого материала как источника биографических сведений.

Лу Синь трижды — в 1925, 1930 и 1934 гг. — обращался к жанру автобиографии в ее «чистом» виде, т.е. в традиционных формах жизнеописания *цзычжуань* и предисловия *цзисюй*, выполненных в духе «исторических документов». Первая автобиография появилась в ходе подготовки русского издания «Подлинной истории А-Кью» и впоследствии стала едва ли не «классическим» образцом автобиографии Лу Синя. Однако писатель в небольшом по объему тексте (около тысячи иероглифов) ничего или почти ничего не говорит о своих предках и ближайших родственниках, не указывает точных дат (исключение составляют лишь 1881, год его рождения, и 1918, год выхода в свет рассказа «Записки сумасшедшего») и руководствуется в основном относительными временными ориентирами («когда мне исполнилось двенадцать лет», «на тот момент мне было восемнадцать», «на второй год ушел [с должности]»). Второй вариант автобиографии, не опубликованный при жизни писателя, мало чем отличался от первого. В третьей и тоже не опубликованной при жизни писателя версии, написанной для издания в США сборника произведений китайских писателей, перед читателями предстает другой, с налетом «буржуазного» лоска, Лу Синь (для сравнения варианты из первого и третьего списков: про себя — «родиться в семье Чжоу»/«происходить из рода Чжоу»; про отца — «быть образованным»/«обладать ученой степенью сюэя»; про мать — «самостоятельно научиться читать»/«овладеть грамотой и приобщиться к чтению»). «Вольности», которые допускает Лу Синь в жанре *цзычжуань*, говорят о художественной, образной подаче фактов. Даже в краткой форме «официальной» автобиографии Лу Синь предстает скорее художником, чем историком. Писателя занимает не столько репрезентация «Я», сколько художественные горизонты репрезентации «Я» в разные периоды случайность, спонтанность, фрагментарность, сильное индивидуальное начало, саморефлексия и др.).

риоды жизни и в разных обстоятельствах, что не противоречит установке на достоверность, хотя и с неизбежной для автобиографии субъективностью и неполнотой.

Почему многие исследователи отказывают сборнику «Утренние цветы...» в принадлежности к автобиографии? Первый и главный аргумент — отсутствие четко артикулированного «автобиографического пакта», означающего, что реальный человек берет на себя обязательство рассказать о себе правдиво и достоверно. На наш взгляд, стремление достичь с читателями такого соглашения содержится в названиях сборника и отдельных его частей, а также в предисловии к книге.

Название «Утренние цветы, собранные вечером» подчеркивает временную дистанцию «утро — вечер», что метафорически указывает на дистанцию возрастную: «детство — зрелый возраст» (на момент написания Лу Синю было 45 лет)³. Текст предисловия значительно усложняет и углубляет семантику названия. Соседство фраз (конец одного и начало следующего за ним абзаца): «Срывать цветы, конечно, лучше с утренней росой, тогда у них сильнее аромат и ярче краски. // Но мне это не по силам. Пока душа моя в таком смятении, я не могу создать образ, не могу писать. Возможно, когда-нибудь в пронсящихся надо мной тучах мелькнет свет», — порождает еще две оппозиции — «свет — тьма», «покой — смятение», подчеркивая тем самым разницу не только возраста, мироощущений в прошлом и настоящем, но и настроений в настоящем. «В период жизни, когда вокруг сгустились сумерки, Лу Синь нес с собой собранные с утренней росой цветы — те детские воспоминания, которые возвращали его в беззаботное сказочное детство» [22, с. 37]. В настоящем писателя были лишь неустроенность («условия жизни за это время у меня менялись»), невостребованность («привожу в порядок старые рукописи — словом, занят каким-то делом»), бездействие («день жизни тянется подобно году жизни»), удушливая жара (только к вечеру «можно заставить себя надеть легкий халат») и слабая надежда («прелестные зеленые листочки» на ветке дерева, лежащей на письменном столе). В названии «Утренние цветы...», таким образом, заключены и временная дистанция, и ретроспективный взгляд, и «Я» в прошлом, совмещенное с настоящим. Наиболее отчетливо, по мнению Е Шисяна, стремление рассказать о себе выражено в первых фразах предисловия: «В шуме мне всегда хотелось немного покоя, но обрести его было нелегко. Теперь же все так переменялось, что душа моя пришла в смятение» [8, с. 7].

В предисловии Лу Синь отмечает, что он взялся за «Утренние цветы...» сразу после «Диких трав» (диалог названий, предисловий и текстов сочинений — от «я спокоен, мне радостно» в 1926 г. к «душа моя пришла в смятение» в 1927 г.). Тем самым Лу Синь лишним раз подчеркивает, что все пять сборников прозы сшиты единой, нигде не прерываемой (хотя и не всегда заметной) автобиографической нитью. «Осенью 1926 года, — напишет он спустя десять лет в предисловии к «Старым легендам в новой редакции», — я жил один в каменном доме в Амое, предо мной расстился морской простор, я перелистывал старые книги, кругом не было ни души, а в голове у меня царил абсолютная пустота. Из Пекина же редакция “Без названия” все время посылала мне письма и торопила с написанием статей. Мне не хотелось думать о настоящем, и вот тогда-то в душе моей всплыли воспомина-

³ В работах на русском языке встречается инвариант названия «Утренние цветы, собранные в сумерках», однако в этом случае нивелируется смысл оппозиции («сумерки» могут обозначать и предрассветный полумрак).

ния. Я написал десять произведений для сборника «Утренние цветы, собранные вечером» [8, с. 179]. Это звучит как приглашение читателей продолжить некогда прерванный разговор.

Не только название, предисловие, но и заголовки отдельных произведений сборника красноречиво говорят об автобиографическом соглашении. Подавляющее большинство названий указывают на события и факты, связанные с детскими и юношескими годами писателя: персоналии («Господин Фудзино», «Фань Ай-нун»⁴, «Ачан и “Книга гор и морей”»), этнокультурные реалии («Праздник пяти веселых богов», «Учан»), названия «детских» книг («Ачан и “Книга гор и морей”», «Двадцать четыре примера почтительного отношения к родителям»), знаковые события («Болезнь отца»), значимые места («От сада Сотни трав до кабинета Трех ощущений»). Названия первого текста («Про кошек, собак и мышей») и восьмого («Мелочи») напрямую не отсылают к автобиографическому содержанию, однако имеют непосредственное к нему отношение и выполняют важные межтекстовые функции — функцию восстановления в памяти событий прошлого, и, что немало важно, функцию реализации автобиографического соглашения.

Другой преградой на пути к признанию сборника Лу Синя «Утренние цветы...» автобиографией является художественная обработка текстов, которая приводит к избыточной, по мнению некоторых исследователей, фикциональности, что рассматривается как нарушение «куртуазности поведения» автобиографа в части взятых на себя обязательств быть до конца правдивым и документально точным. Японский ученый Омура Идзуми, ссылаясь на результаты проведенных исследований, пришел к выводу, что «Господин Фудзино» — это пример фикциональной литературы в жанре рассказа, построенного не на реальных событиях, а на вымысле. Младший брат Лу Синя Чжоу Цзожэнь доказал, что концовка «Болезни отца» неправдоподобна, так как госпожа Янь в реальной жизни не могла появиться у постели умирающего отца (табу для представителей более старшего, чем умирающий, поколения), и, значит, не она понуждала автобиографического героя кричать: «Отец! Отец!»⁵.

Рассуждения о фикциональности сборника не всегда учитывают художественную природу и индивидуально-авторские особенности творчества Лу Синя, его устремленность в пограничные зоны межжанровости, где наложения порой обнаруживают как общие, так и несовместимые черты. Это относится и к лусиневской прозе в целом, и к отдельным сборникам, и даже к конкретным произведениям⁶. К этому следует прибавить неоднозначный характер автобиографии и родственных ей жанров. Как отмечает Ф. Лежён, «прежде чем конституироваться в литературный жанр, автобиографическое письмо было и остается ничем иным, как чрезвычайно широко распространенной литературной практикой, и было бы опрометчивым подходить к нему лишь с точки зрения его восприятия». Автобиографическое письмо способно вбирать в себя все возможные жанры и литературные

⁴ Здесь и далее имя заглавного героя пишется в соответствии с изданием произведения на русском языке в переводе Л. Д. Позднеевой [8].

⁵ Этот эпизод значим в межтекстовом диалоге, так как с глубинных психологических и очень личных позиций проливает свет на выбор названия «Клич» для первого сборника прозы.

⁶ Яркий пример — рассказ «Снадобье» из сборника «Клич», где в каждой из четырех частей происходит смена жанров и дискурсивных стратегий. Каждый рассказ Лу Синя, отмечал в свое время Мао Дунь, это поиск новой литературной формы.

формы. «Автобиография — это не текст, в котором некто говорит правду о себе, а текст, в котором некто реальный говорит, что ее говорит» [3].

Лу Синь в предисловии «Избранное автором» к сборнику «Трижды бездельник» определяет жанровую форму «Утренних цветов...» как *хуэйи дэ цзиши* (回忆的记事, букв. «записи/хронологические заметки, [состоящие из] воспоминаний о себе»). Такая характеристика жанра гармонично сочетается не только с принятой в Китае терминологией, указывающей на биографические и автобиографические формы (*чжуань цзи* 传记; *шичжуань* 史传; *цзычжуань* 自传; *цзышу* 自述; *цзишу* 记述; *цзиши* 记事), но и созвучна лежёнговскому определению жанра автобиографии. Лу Синь в своем понимании жанровой принадлежности «Утренних цветов...» приближается к современным представлениям об автобиографии. В его определении выделяются все базовые категории жанра: языковая форма (повествование в прозе — записи/заметки), тема (индивидуальная жизнь — записи/заметки о себе), положение автора (тождество между автором и рассказчиком — записи воспоминаний о себе), позиция рассказчика (тождество с героем, ретроспекция — записи о себе в воспоминаниях)⁷.

Для установления сквозной логической связи между отдельными фактами жизни и фрагментами воспоминаний писателю требовалась упорядочивающая структура, и такую структуру он находит в собственном «Я», в становлении своей индивидуальности, в истории развития той личности, которая и явилась источником разрозненных отрывков автобиографии. Видя задачу автобиографии в самопостижении индивидуальности, Лу Синь понимает индивидуальность в ее интерактивной коммуникации с природой, семьей/родом, обществом и историей. Это ведет к усложнению сюжетно-композиционной и нарративной структуры произведения, которая не допускает организацию повествования по упрощенной схеме в рамках единой причинно-следственной обусловленности событий. К тому же автор восстанавливает эпизоды собственной жизни, «извлекая их из своей памяти» [8, с. 8]. Но память не способна служить надежной опорой для ретроспективного повествования, невозможно абсолютно точно вспомнить разговоры и события, которые имели место много лет (иногда и десятилетий) назад. Память не может воссоздать события в полном объеме и во всех деталях, она лишь позволяет реконструировать их с той или иной степенью полноты и соответствия реальности.

Начиная с фразы в тексте «Про собак, кошек и мышей»: «Помню, как однажды летним вечером я лежал в холодке на скамеечке под большим лавром» [8, с. 15], — повествование вводит читателя в воспоминания, и на протяжении последующих четырех частей сборника речь идет о детстве. Сюжет истории о детстве, не прерываясь, разворачивается, наполняясь то юмором, то ощущением радости и счастья. Затем «От сада Сотни трав до кабинета Трех ощущений», где рассказывается о начале обучения, повествование переключается на изменения в жизни семьи после смерти отца («Болезнь отца»). В «Мелочах» читатель узнает об отъезде в Нанкин: «Нужно было найти других людей» [8, с. 56]. Последние два текста — «Господин Фудзино» и «Фань Ай-нун» рассказывают об отъезде на учебу в Японию и о других событиях жизни вплоть до Синьхайской революции (1911).

⁷ О базовых категориях жанра см.: [33].

В текстах с первого («Про собак, кошек и мышей») по шестой («Болезнь отца») события разворачиваются в родном городе Лу Синя (Шаосин, провинция Чжэцзян). В «Мелочах» фиксируются переезд в Нанкин, а потом в Токио. В «Господине Фудзино» действия происходят в пространстве между городами Токио — Сэндай — Токио. А в заключительной части («Фань Ай-нун») события из Токио вновь переносятся в родные автору места, а потом в Нанкин и Пекин. Получается, что авторский автобиографический замысел охватывает в последовательном и целостном виде жизнь писателя с детских лет и до переезда в Пекин. В основу построения всех частей сборника положен концентрический принцип композиции, который позволяет из условного ядра повествования (семья, родной дом) двигаться по спирали сначала в направлении к ближайшему окружению, потом, перемещаясь, достигать дальних пределов (город, страна, мир). Повествование от внутреннего к внешнему подразумевает также отображение процесса накопления жизненного опыта и смены представлений от ранних в начальных текстах к новым и более зрелым в заключительных частях сборника.

Таким образом, в «Утренних цветах...» автор не просто вспоминает детские и юношеские годы, а реконструирует процесс своего взросления начиная с раннего детства и до момента подготовки книги к печати в 1927 г. (период «южных странствий» — Амой/Сямэнь, Гуанчжоу). В первых двух текстах «Про собак, кошек и мышей», «Ачан и “Книга гор и морей”» повествуется о безмятежном детстве под опекой матери и няни. Следующие тексты «Двадцать четыре примера почтительного отношения к родителям», «Праздник Пяти веселых богов» и «Учан» рассказывают о частной школе, одноклассниках, поездке на праздник в далекий Дунгуань. Однако выход на сцену отца в тексте «Праздник Пяти веселых богов» позволяет показать внушенный автору еще в детстве трепет перед силой учения и авторитетом книги. Текст «От сада Сотни трав до кабинета Трех ощущений» связан с описанием разных забав детства (вытягиванием из земли корней черноголовки, ловлей птиц, фантазиями на тему коробочки с летающей сороконожкой, как у монаха, страхом перед огромной красной змеей, являющейся в образе красавицы, способной закусать до смерти), но обучение в школе у самого строгого в городе учителя, усердие и прилежание способны, как оказалось, отвлечь от этих приятных детских шалостей и постепенно вызвать интерес к более серьезным занятиям, связанным с овладением знаниями. «Болезнь отца» знаменует собой вступление во взрослую жизнь с ее заботами о семье и осознанием хрупкости всего, что человеку дорого. Одним словом, в книге «Утренние цветы...» через людей и события, с ними связанные, раскрываются индивидуальные особенности личности автора, отображается процесс его непрерывного духовного развития, объемно и образно показывается то, как он шаг за шагом обретает способности думать, чувствовать, любить и ненавидеть. «Я» автора, сливаясь с «Я» рассказчика и воплощаясь в образе главного героя, играет здесь ведущую роль. Триединство автора, рассказчика и героя, обуславливающее особую повествовательную структуру автобиографии с ее специфической временной организацией ретроспективного повествования, требуют художественных подходов и решений в построении текста.

«Утренние цветы...» — это не нагромождение биографической информации, не копание в малозначительных эпизодах частной жизни и уж тем более не подчинение текста шаблонам традиционных автобиографических форм *цзычжуань*,

шичжуань или предисловий *суйчжуань* с их набором обязательных элементов (принадлежность семье/клану, родословные предков, прославление их имен, деяний и только потом факты собственной жизни). В книге Лу Синя, будь то рассказ о событиях, рассуждения, портретные зарисовки или описания деревенского быта — все связано с субъективным мироощущением автора и его отношением к описываемым событиям. Автобиографическое повествование от первого лица отличается особой субъективной сложностью. Именно в силу этих причин в автобиографических формах кроется огромный, не всегда востребованный потенциал художественного, что не вступает в противоречие с документальным. Отсюда способность автобиографического нарратива соединять в себе различные стилистические приемы. Лу Синь со свойственной ему скромностью отмечает в предисловии: «Стиль в них довольно пестрый» [8, с. 8]. Для «Утренних цветов...» характерно многообразие стилей и гетерогенность повествования.

Главная задача автора воспоминаний — рассказать о самых значимых событиях своей жизни, что подразумевает необходимость контроля со стороны нарратора и оценки им происходящего. Пишущий одновременно является и субъектом повествования, и его объектом, поэтому ретроспективное повествование отмечено двойным фокусом, взаимодействием двух планов — плана повествователя в настоящем и плана его «Я» в прошлом. Нарративный дискурс отвечает за функцию объективного воспроизведения событий и фактов прошлого; ненарративный дискурс оставляет за собой право выполнять контролирующую, эмотивно-оценочную и комментирующую функции при осмыслении тех же самых фактов в современности. Это означает, что на протяжении всего повествования читатель сталкивается с двумя типами оценки: синхронной и ретроспективной [33, с. 55]. В биографии или автобиографии повествователь соединяет ретроспекцию с современными на момент написания представлениями. Совокупность двойного фокуса и разных стилистических решений создает полифонию, которая является отличительной особенностью «Утренних цветов...». Повествование, связанное с прошлым, представляется в книге простым/очевидным/ясным и/или волнующим/тревожным/вызывающим беспокойство, повествование с позиций «сегодняшнего» дня ведется более раскованно, уверенно, поскольку рассказчик может уже оценить события в свете их завершенности. Именно наложение разных фокусов (из прошлого и из настоящего) вызывает столкновение двух пластов авторской субъективности и создает особый художественный эффект «вибрации» неослабевающего в своем напряжении повествования.

Ретроспективное повествование опирается на принцип избирательности, иными словами, фрагментации времени по воле автора, когда сохраняется только часть фактов и событий прошлого, а их последовательность может перекодироваться. Повествователь не может и не должен игнорировать «взятые на себя обязательства» донести до читателя то, что ему действительно важно сказать. Выбор временной организации в «Утренних цветах...» определен задачей, которую ставит перед собой автор — рассказать историю становления личности, которая находится в процессе формирования. Такая задача решается не через простое перечисление событий жизни, а с помощью объемного изображения непрерывного потока трансформаций/смены состояний «Я» в их сложном переплетении с реальностью в контексте эпохи. В текстах «Про собак...», «Ачан и «Книга гор и мо-

рей»», «Двадцать четыре примера...», «Праздник Пяти веселых богов», «Учан» рассказчик сочувствует слабым, ропщет на деспотию, восхищается талантом народа, другими словами, занят поисками духовных начал формирующейся личности. «От сада Сотни трав до кабинета Трех ощущений» веет радостью совершаемых в детстве открытий и счастьем семейного благополучия, увы, оказавшимся столь непродолжительным. Между жизненным опытом, полученным в ходе разорения семьи в «Болезни отца», и последующими травмирующими впечатлениями от пребывания в медицинском институте в г. Сэндай (Япония) устанавливается глубинная внутренняя связь. В «Мелочах» выявляются психологические, скрытые внутри причины отъезда на учебу в Нанкин и то, как «нездоровая атмосфера» там приводит автора к сочувствию реформаторским идеям, «Эволюции и этике» Гексли. История в «Господине Фудзино» объясняет причины поступления в медицинский институт, последующего разрыва с этим учебным заведением и выбора иного направления в поисках жизненного и творческого пути. «Фань Ай-нун» подспудно передает перемены в восприятии революции, когда изначальный энтузиазм сменяется разочарованием. Таким образом, в качестве единиц времени служат не только ситуации, которые формируют линейную последовательность, но и картины воспоминаний, между которыми прослеживается более опосредованная связь.

Китайский философ Янь Фу (1854–1921), переводчик «Эволюции и этики», подчеркивал: «Есть история человеческих деяний, а есть история человеческих переживаний» (цит. по: [26, с. 27]). Рассказывая историю своей жизни, Лу Синь пытается реконструировать ее так, чтобы выполнить выданные читателям гарантии представить жизнь «Я» во всей полноте как внешнего/событийного, так и внутреннего/эмоционального планов повествования. Он пишет историю становления и развития своего «Я», заостряя внимание не столько на внешней, сколько на внутренней/духовной стороне жизни.

В традиционной китайской автобиографии историческое доминирует над индивидуальным. У Лу Синя личное биографическое время связано с историческим, но историческое не доминирует. И хотя в ходе Движения за новую культуру в начале XX в. старые традиции автобиографических повествований подверглись изменениям под воздействием западной литературы, но даже после «Утренних цветов...» авторы нередко писали о своей жизни с прежних (исторических) позиций. Известный философ-неоконфуцианец Лян Шумин (1893–1988), приступая к работе над автобиографией, выражал надежду, что история его жизни, поставленная в центр повествования, «расскажет о переменах, произошедших в Китае за последние 50 лет» (цит. по: [26, с. 27]). В том же духе высказывался и Го Можо, когда говорил о том, что для него прежде всего важен «такой-то человек в такую-то эпоху» [34, с. 2].

Известно, что Лу Синь высоко ценил ироничный стиль У Цзинцзы (1701–1754) — автора сатирического романа «Неофициальная история конфуцианцев»: через негодование прийти к гармонии, через учтивость выразить иронию. В «Утренних цветах...» он использует ту же художественную стратегию — иронию и критику прятать в подтекст. Красноречив в этом плане конец «Праздника Пяти веселых богов». Когда после задержки путешествия из-за приказа отца зубрить «Сокращенную историю» и наконец успешно сданного ему экзамена автобиографический герой к всеобщей радости оказывается в лодке, ощущение счастья у него

куда-то улетучивается: «Один только я не радовался. Меня больше не интересовали ни виды на реке, когда мы отъехали от берега, ни печенье в коробках, ни даже шумный праздник Пяти веселых богов в Дунгуане. Теперь все это уже забылось, не осталось и следа, и только ярко, точно это было вчера, я помню, как зубрил отрывок из “Сокращенной истории”. И до сих пор я все еще удивляюсь, почему отец заставил меня тогда ее зубрить» [8, с. 32].

Лу Синь по-разному оценивает влияние, которое на него оказали учебные заведения и конкретные наставники, у которых ему довелось учиться. Отношение к ним облечено почти всегда в мягкую, но не всегда очевидную для читателя форму иронии. «Не знаю, почему в семье решено было отправить меня в школу, да еще к учителю, славившемуся на весь город своим суровым обращением. ...Прощайте, мои кузнечики! Прощайте, мои малина и лианы!» [8, с. 43–44]. Ни суровость первого учителя из традиционной частной школы, ни его грозная линейка, ни его «экстаз» во время чтения одного и того же отрывка про тысячу чарок, от которых герой не пьянеет, ни другие забавные подробности не дают повода читателю усомниться в добром и уважительном отношении рассказчика к учителю. Иное дело педагоги из училищ «западного» типа в Нанкине. «Теперь я уже не помню, как называлось первое училище» [8, с. 57], — начиная с этой фразы за внешней сдержанностью читается издевка над псевдоевропейским образованием и псевдоучителями. «Однажды он (новый директор) велел нам писать “О Вашингтоне”, чем поставил в тупик преподавателя китайского языка, который спросил нас: “А что это такое, хуашэн-дунь?”» [8, с. 60]. В «Господине Фудзино», несмотря на трудности жизни и учебы в Сэндае на фоне антикитайских настроений в период Русско-японской войны, добрые воспоминания о трудолюбивом и чудаковатом японском профессоре по имени Фудзино, напротив, смягчают негативный опыт не только «японского периода», но и «злбу и ненависть», царящие в Китае «сегодня».

Женские образы из «Ачан и “Книги гор и морей”» и «Мелочей» с меньшей отчетливостью показывают, что Лу Синь сдержан и мягок в отношении тех, кто представляет старшее поколение — поколение его родителей, бабушек и дедушек. При этом автор оставляет за собой право «высвечивать» примеры не очень гуманного отношения взрослых к детям, прикрытого маской любви и великодушия. Истинная же доброта и забота о детях является порой в облике подчеркнутой строгости. Ребенку в этом не просто разобраться, он склонен ошибаться и совершать проступки. И хотя всезнающему нарратору с позиций его «сегодняшнего» положения это очевидно, он не торопится развеивать заблуждения дня вчерашнего, держа тем самым временную дистанцию под контролем, подчеркивая разницу своего жизненного опыта в прошлом и настоящем. «Таков мой прогресс за последние несколько лет!» — восклицает автор в первом тексте сборника, показывая на примере собак, кошек и мышей относительность, а нередко ошибочность однозначных оценочных суждений.

Возвращаясь к вопросу о фикциональности отдельных эпизодов в сборнике «Утренние цветы...», следует признать, что наличие расхождений между реальностью жизни и реальностью текста вполне допустимо — доля вымысла всегда присутствует в исторических книгах, биографической литературе и в записанных на бумагу воспоминаниях. Это доказано не только литературной практикой, но и теорией. Так что даже Омура Идзуми и другие японские исследователи, обнаружи-

вая несоответствие изложенных фактов в «Медицинских записках» Лу Синя, сделанных им еще в Японии, и в более позднем тексте «Господин Фудзино», не могут с полной уверенностью утверждать, что случившаяся с писателем в Сэндае история не могла произойти в реальной жизни. Есть, несомненно, и другие примеры в текстах сборника, требующие верификации.

Что такого рода изыскания показывают и доказывают? Только то, что «Утренние цветы...» как произведение биографической литературы не свободно от вымысла, так как является записью воспоминаний о событиях далекого прошлого, отстоящих по времени на несколько десятков лет. Воссоздать детские годы по памяти в их целостном и неизменном виде невозможно, огромное значение в памяти детства играют эмоции, умноженные на ассоциации — автобиография детства по самой своей природе далека от реальности.

Согласно предположению Чжоу Цзожэня, высказанному в его «Воспоминаниях Чжитана» (Чжитан — псевдоним Чжоу Цзожэня), Лу Синь ввел в сцену прощания с отцом госпожу Янь, чтобы «демонизировать» образ и без того отрицательного персонажа. По представлению же авторов статьи, Лу Синь сделал это прежде всего ради нарративной связности частей автобиографического текста. Это если не прямо, то косвенно, свидетельствует о продуманной целостности произведения как единого автобиографического полотна, не лишённого, однако, «в рамках приличия» и элементов фикциональности, несомненно, усиливающих художественные свойства текста. Продуманная связанность частей произведения особенно ощущается в первых двух, а затем последних пяти частях. Во второй половине первого текста «Про собак, кошек и мышей» автор выводит на авансцену маму Чан. Второй текст начинается словами: «Мама Чан, о которой я уже рассказывал...». В конце «Болезни отца» появляется «наша соседка, госпожа Янь, женщина, сведущая во всех обрядах и приличиях» [8, с. 53]. Следующий текст «Мелочи» начинается с госпожи Янь, «которая уже стала бабушкой, а может быть, и прабабушкой» [8, с. 54]. Завершаются «Мелочи» подготовкой к отъезду в Японию, а текст «Господин Фудзино», который следует за «Мелочами», начинается словами: «В Токио обстановка была следующая». Филигранная работа Лу Синя над «Утренними цветами...» позволяет характеризовать эту книгу, наряду с его другими четырьмя сборниками прозы («Клич», «Блуждания», «Дикие травы», «Старые легенды в новой редакции»), как лучшее из написанного им. Читая «Утренние цветы...», понимаешь, что автобиография может и должна быть настоящим искусством слова. Художественный модус «Утренних цветов, собранных вечером» не только не противоречит историческому мышлению — напротив, усиливает его. Писатель делает акцент не на события прошлого, а на кумулятивно-коммуникативный эффект их взаимодействия. Важны не факты сами по себе, даже не способы фиксации / реконструкции их на бумаге, а важно осознание связи между ними, понимание пространства жизни, заключенной между разными фактами прошлого и — шире — между разными фактами прошлого и настоящего.

Лу Синь сумел создать произведение, в котором нарративный дискурс автобиографического произведения, соединяясь с высокими стандартами лирической прозы, порождает особый вид художественно-документального единства. «Утренние цветы...», написанные раньше, чем автобиографии таких видных литераторов, общественных деятелей и публицистов, как Го Можо (1928), Ли Цзи (1930),

Ху Ши (1933), во многом предопределили развитие жанра и автобиографический бум в 1930-е годы, а затем в конце XX в.

«В Китае пишут статьи по установленным правилам, от которых нельзя отойти слишком далеко, что исключает возможность прогресса» [8, с.8], — замечает Лу Синь в свойственной ему ироничной манере, как будто предвосхищая сегодняшние дискуссии. Опыт работы Лу Синя над книгой «Утренние цветы, собранные вечером» дает нам по-настоящему новаторский для своего времени образец произведения, написанного в жанре литературной автобиографии.

Литература

1. *Лу Синь*. Предисловие к сборнику «Клич» // Лу Синь. Избранные произведения. М.: Худ. лит., 1981. С. 33.
2. *Зарецкий Ю. П.* Автобиография // Российская историческая энциклопедия. Т. 1. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 108–114. URL: <http://ponjatija.ru/node/12325> (дата обращения: 26.12.2018).
3. *Лезжён Ф.* От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/117.html> (дата обращения: 26.12.2018).
4. *Петров В. В.* Лу Синь: очерк жизни и творчества. М.: Гослитиздат, 1960. 383 с.
5. *Позднеева Л. Д.* Лу Синь: жизнь и творчество. М.: Изд-во МГУ, 1959. 570 с.
6. *Сорокин В. Ф.* Формирование мировоззрения Лу Синя (ранняя публицистика и сборник «Клич»). М.: Изд-во восточ. лит.-ры, 1958. 196 с.
7. *Никольская Л. А.* Лу Синь // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2159739> (дата обращения: 26.12.2018).
8. *Лу Синь*. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Художественная литература, 1955. Т. 3. 319 с.
9. *Lu Hsun*. Dawn Blossoms Plucked at Dusk. Peking: Foreign Languages Press, 1976. 120 p.
10. *Davis G.* Lu Xun's Revolution: Writing in a Time of Violence. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 448 p.
11. *Kowallis J.* The Lyrical Lu Xun: A Study of His Classical-Style Verse. Honolulu: University of Hawaii Press, 1996. 378 p.
12. *Cooke M. G.* «Do You Remember Laura?» or, The Limits of Autobiography // The Iowa Review. 1978. Vol. 9, no. 2. P. 58–72.
13. *Farquhar M. A.* Children's Literature in China: From Lu Xun to Mao Zedong. New York: Armonk, 1996. 326 p.
14. *Родионова О. П.* Столкновение китайской традиции с западной мыслью как первый шаг к появлению детской литературы в Китае // Сборник материалов IV междунар. науч. конф. «Проблемы литератур Дальнего Востока». СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2010. Т. 2. С. 263–281.
15. *Замилова Р. В.* Деятельность Лу Синя в области детской литературы // Сборник материалов VIII междунар. науч. конф. «Проблемы литератур Дальнего Востока». СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2018. Т. 1. С. 419–428.
16. *Ng Janet.* The Experience of Modernity: Chinese Autobiography of the Early Twentieth Century. Ann-Arbor: The University of Michigan Press, 2003. 192 p.
17. *Larson W.* Literary Authority and the Modern Chinese Writer: Ambivalence and Autobiography. Durham: Duke University Press, 1991. 208 p.
18. 沈文靜. “朝花夕拾” 研究综述 [Шэнь Вэньцзин. Обзор исследований сборника «Утренние цветы, собранные вечером»] // 宝鸡文理学院学报(社会科学版) [Вестник Баоцзйского университета науки и искусства. Серия «Социальные науки»], 2010. Т. 4, № 30. С. 77–80. (На кит. яз.)
19. 郭久麟. 中国二十世纪传记文学史. 太原: 山西人民出版社, 2015. 409页 [Го Цзюлинь. История китайской биографической литературы XX века. Тайюань: Народное издательство провинции Шаньси, 2015. 409 с.] (На кит. яз.)

20. 郭小英. 自传与自我身份认同 — 论鲁迅的三种《自传》 [Го Сяоин. Автобиография и самоидентификация (на материале трех «автобиографий» Лу Синя)] // 兰州学刊 [Академический журнал Ланьчжоу]. 2008. № 3 (174). С. 173–175. (На кит. яз.)
21. 白玉玲. 试谈“朝花夕拾”创作的心理动因 [Бай Юйлин. К вопросу о психологических мотивах создания сборника «Утренние цветы, собранные вечером»] // 绥化市专学报 [Вестник Суйхуаского педагогического колледжа]. 2002. Т. 22, № 4. С. 31–32. (На кит. яз.)
22. 叶世祥. “从百草园到三味书屋”新论 [Е Шисян. Новые суждения о «От сада Сотни трав до кабинета Трех ощущений»] // 鲁迅研究月刊 [Лусиневедение]. 1993. № 2. С. 33–37. (На кит. яз.)
23. 杨剑龙. “从纷扰中寻出一点闲静来” — 论鲁迅的“朝花夕拾” [Ян Цзяньлун. «В шуме мне всегда хотелось немного покоя» — о сборнике Лу Синя «Утренние цветы, собранные вечером»] // 鲁迅研究月刊 [Лусиневедение]. 2001. № 4. С. 41–46. (На кит. яз.)
24. 齐童魏. “朝花夕拾”中儿童视角的叙事分析 [Ци Тунвэй. Нарративный анализ детской точки зрения в «Утренних цветах, собранных вечером»] // 昆明学院学报 [Вестник Куньминского института]. 2009. № 31 (5). С. 55–58. (На кит. яз.)
25. “朝花夕拾”的传记批评式解读 [Чжэн Цзяцзянь, Лай Цзяньлин. «Утренние цветы, собранные вечером»: нарративный анализ «воспоминаний» — посвящается 130 годовщине смерти Лу Синя] // 中国现代文学研究丛刊 [Исследования современной китайской литературы]. 2012. № 9. С. 86–96. (На кит. яз.)
26. 辜也平. 论传记文学视野中的“朝花夕拾” [Гу Епин. «Утренние цветы, собранные вечером» в фокусе биографической литературы] // 鲁迅研究月刊 [Лусиневедение]. 2009. № 11. С. 24–29. (На кит. яз.)
27. 王瑶. 论鲁迅的“朝花夕拾” [Ван Яо. Рассуждения о сборнике Лу Синя «Утренние цветы, собранные вечером»] // 北京大学学报 (哲学社会科学版) [Вестник Пекинского университета. Серия «Философия и общественные науки»]. 1984. Т. 21, № 1. С. 3–16. (На кит. яз.)
28. 王晓初. “思乡的蛊惑”: “朝花夕拾”及其他 — 论鲁迅的“第二次绝望”与思想的发展 [Ван Сяочу. «Тоска по дому»: «Утренние цветы, собранные вечером» и другое — к вопросу о «втором разочаровании» Лу Синя и развитии его мысли] // 学术月刊 [Научный ежемесячник]. 2008. Т. 40, № 12. С. 100–105. (На кит. яз.)
29. 杨春艳. 论鲁迅作品中最温暖的文字 — 以“朝花夕拾”为例探析 [Ян Чуньянь. К вопросу о самых теплых словах в творчестве Лу Синя на примере «Утренних цветов, собранных вечером»] // 毕节学院学报 [Вестник Бицзеского института]. 2011. Т. 29, № 11. С. 122–128. (На кит. яз.)
30. 金红. 鲁迅之爱 — 论“朝花夕拾”里的情与爱 [Цзинь Хун. Любовь Лу Синя — к вопросу о любви и чувствах в «Утренних цветах, собранных вечером»] // 辽宁教育行政学院学报 [Вестник института образования и управления]. 2006. Т. 23, № 9. С. 129–131. (На кит. яз.)
31. 文安乐. “回忆”的叙述学分析 — 谨以此文纪念鲁迅诞辰一百三十周年朝花夕拾”的传记批评式解读 [Вэнь Аньлэ. Опыт трактовки «Утренних цветов, собранных вечером» с позиций биографической критики] // 湘潭师范学院学报 (社会科学版) [Вестник Сянтаньского педагогического института. Серия «Общественные науки»]. 2008. Т. 30, № 5. С. 197–198. (На кит. яз.)
32. 陈兰村. 中国传记文学发展史. 北京: 语文出版社, 1999. 494页 [Чэнь Ланьцунь. История развития биографической литературы в Китае. Пекин: Изд-во «Язык и литература», 1999. 494 с.] (На кит. яз.)
33. Сапожникова Ю. Л. Жанр автобиографии: понятия и особенности // Ученые записки ЗабГГПУ. 2012. № 2 (43). С. 54–56.
34. 郭沫若. 沫若自传. 北京: 求真出版社, 2010. 396页 [Го Можо. Автобиография Можо. Пекин: Изд-во «Цючжэнь», 2010. 396 с.] (На кит. яз.)

Статья поступила в редакцию 3 января 2019 г.,
рекомендована к печати 17 июня 2019 г.

Контактная информация:

Хузиятова Надежда Константиновна — канд. филол. наук, проф; khuziyatova.nk@dvfu.ru

Курако Юлия Сергеевна — аспирант, ассистент; kurako_yus@dvfu.ru

“Dawn blossoms plucked at dusk” by Lu Xun as Autobiography

N. K. Khuziyatova, Y. S. Kurako

Far Eastern Federal Universitet,
8, Suhanova ul., Vladivostok, 690950, Russian Federation

For citation: Khuziyatova N. K., Kurako Y. S. “Dawn blossoms plucked at dusk” by Lu Xun as Autobiography. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2019, vol. 11, issue 3, pp. 345–361. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2019.307> (In Russian)

The book of memoirs of Lu Xun “Dawn blossoms plucked at dusk” (1928) traditionally has been considered by the Russian and foreign researchers as the most important source of biographic material about the writer. However, due to its seemingly fragmentary nature and inconsistency it not always corresponds to the autobiography as a literary genre. The purpose of this paper is to show and prove that ten parts of the collection represent not fragments of memoirs, but the integral and interconnected text corresponding to contemporary conceptions (even ambiguous) of an autobiography genre. The book has been examined at the levels of plot, composition and narration. Basing on cross-disciplinary approach to the material, authors of the paper conclude that Lu Xun managed to create the writing where the narrative discourse of the autobiography, connecting to an artistic mode of lyrical prose, creates a special type of unity of fiction and documentary. The “Dawn blossoms plucked at dusk”, written earlier than autobiographies of Guo Moro (1928), Li Ji (1930), Hu Shi (1933), not only designated a pathway for the development of this genre in China, but also mainly predetermined interest to it both in the first, and in the second half of the twentieth century.

Keywords: Lu Xun, “Dawn blossoms plucked at dusk”, autobiography, plot, composition, narrative discourse.

References

1. Lu Xun. Preface to the Collection “Call to Arms”. Lu Xun. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, Fiction Publ., 1981, p. 33. (In Russian)
2. Zaretskiy Y. P. Autobiography. *Rossiyskaya istoricheskaya entsiklopediya*, vol. 1. Moscow, OLMA Media Group, 2015, pp. 108–114. Available at: <http://ponjatija.ru/node/12325> (accessed: 26.12.2018). (In Russian)
3. Lejeune. Ph. From Autobiography to the Story about Self, from the University to the Association of Amateurs: The Story of One Humanity Scholar. *Neprikosnovennyi zapas*, 2012, no. 3 (83). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/117.html> (accessed: 26.12.2018). (In Russian)
4. Petrov V. V. *Lu Xun: Essay on Life and Works*. Moscow, Goslitizdat, 1960. 383 p. (In Russian)
5. Pozdneyeva L. D. *Lu Xun: Life and Works*. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1959. 570 p. (In Russian)
6. Sorokin V. F. *Formation of the Worldview of Lu Xun (Early Publicism and the Collection “Call to Arms”)*. Moscow, Publishing House of Oriental Literature, 1958. 196 p. (In Russian)
7. Nikol'skaya L. A. Lu Xun. *Bol'shaia rossiyskaya entsiklopediya*. Available at: <https://bigenc.ru/literature/text/2159739> (accessed: 12.26.2018). (In Russian)
8. Lu Xun. *Collected Works in Four Volumes*. Moscow, Fiction Publ., 1955, vol. 3. 319 p. (In Russian)
9. Lu Hsun. *Dawn Blossoms Plucked at Dusk*. Peking, Foreign Languages Press, 1976. 120 p.
10. Davis. G. *Lu Xun's Revolution: Writing in a Time of Violence*. Cambridge, Harvard University Press, 2013. 448 p.
11. Kowallis J. *The Lyrical Lu Xun: A Study of His Classical-Style Verse*. Honolulu, University of Hawaii Press, 1996. 378 p.
12. Cooke M. G. “Do You Remember Laura?” or, The Limits of Autobiography. *The Iowa Review*, 1978, vol. 9, no. 2, pp. 58–72.
13. Farquhar M. A. *Children's Literature in China: From Lu Xun to Mao Zedong*. New York, Armonk, 1996. 326 p.

14. Rodionova O.P. The Clash of the Chinese Tradition with the Western Thought as the First Step to the Appearance of Children's Literature in China. *Sbornik materialov IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Problemy literatur Dal'nego Vostoka»*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2010, vol. 2, pp. 263–281. (In Russian)
15. Zamilova R. V. Lu Xun's Work in the Field of Children's Literature. *Sbornik materialov VIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Problemy literatur Dal'nego Vostoka»*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2018, vol. 1, pp. 419–428. (In Russian)
16. Ng Janet. *The Experience of Modernity: Chinese Autobiography of the Early Twentieth Century*. Ann-Arbor, The University of Michigan Press, 2003. 192 p.
17. Larson W. *Literary Authority and the Modern Chinese Writer: Ambivalence and Autobiography*. Durham, Duke University Press, 1991. 208 p.
18. Shen Wenjing. The Review of “Zhaohua xishi”'s Researches. *Baoji wenli xueyuan xuebao (shehui kexueban)*, 2010, vol. 4, no. 30, pp. 77–80. (In Chinese)
19. Guo Jiulin. *The History of Chinese Biographical Literature of the XX Century*. Taiyuan, Shanxi renmin chubanshe, 2015. 409 p. (In Chinese)
20. Guo Xiaoying. Autobiography and Identity. *Lanzhou xuekan*, 2008, no. 3 (174), pp. 173–175. (In Chinese)
21. Bai Yuling. On Mental Cause of Producing Morning Flowers, Collected in The Evening. *Suihua shizhuan xuebao*, 2002, vol. 22, no. 4, pp. 31–32. (In Chinese)
22. Ye Shixiang. New Judgments about “From hundred-Plum Garden to Three Flavor Study”. *Lu Xun yanjiukan*, 1993, no. 2, pp. 33–37. (In Chinese)
23. Yang Jianlong. “Hanker After a Little Peace and Respite from Confusion” — Lu Xun's “Dawn Blossoms Plucked at Dusk”. *Lu Xun yanjiu yuekan*, 2001, no. 4, pp. 41–46. (In Chinese)
24. Qi Tongwei. Narrative Analysis of the Children's Point of View in “Dawn Blossoms Plucked at Dusk”. *Kunming xueyuan xuebao*, 2009, no. 31 (5), pp. 55–58. (In Chinese)
25. Zheng Jiajian, Lai Jianling. “Dawn Blossoms Plucked at Dusk”: Narrative Analysis of “Memories” — Dedicated to the 130th Anniversary of the Death of Lu Xun. *Zhongguo xiandai wenxue yanjiu congkan*, 2012, no. 9, pp. 86–96. (In Chinese)
26. Gu Yeping. “Dawn Blossoms Plucked at Dusk” in Focus of Biographical Literature. *Lu Xun yanjiu yuekan*, 2009, no. 11, pp. 24–29. (In Chinese)
27. Wang Yao. The Lu Xun's collection “Dawn blossoms plucked at dusk”. *Beijing daxue xuebao (Zhhexue shehui kexueban)*, 1984, vol. 21, no. 1, pp. 3–16. (In Chinese)
28. Wang Xiaochu. “The Homesickness Confuse”: “Dawn Blossoms Plucked at Dusk” and Other Works — The Lu Xun's “Second Despair” and the Development of Thinking. *Xueshu yuekan*, 2008, vol. 40, no. 12, pp. 100–105. (In Chinese)
29. Yang Chunyan. The Warmest Words in Lu Xun's Works — Analysis of “Dawn Blossoms Plucked at Dusk”. *Bijie xueyuan xuebao*, 2011, vol. 29, no. 11, pp. 122–128. (In Chinese)
30. Jin Hong. Lu Xun's Love — Love and Feelings in “Dawn Blossoms Plucked at Dusk”. *Liaoning jiaoyu xingzheng xueyuan xuebao*, 2006, vol. 23, no. 9, pp. 129–131. (In Chinese)
31. Wen Anle. Biographical interpretation of “Dawn Blossoms Plucked at Dusk”. *Xiangtan shifan xueyuan xuebao (Shehui kexueban)*, 2008, vol. 30, no. 5, pp. 197–198. (In Chinese)
32. Chen Lancun. *The History of the Development of Biographical Literature in China*. Beijing, Yuwen chubanshe, 1999. 494 p. (In Chinese)
33. Sapozhnikova Y.L. Genre of Autobiography: Concepts and Features. *Uchenyye zapiski ZabGGPU*, 2012, no. 2 (43), pp. 54–56. (In Russian)
34. Guo Moruo. *Mo Ruo's Autobiography*. Beijing, Qiuzhen chubanshe, 2010, 396 p. (In Chinese)

Received: January 3, 2019

Accepted: June 17, 2019

Authors information:

Nadezhda K. Khuziyatova — PhD (Philology), Professor; khuziyatova.nk@dvfu.ru

Yulia S. Kurako — Postgraduate Student, Assistant; kurako_yus@dvfu.ru